

Монахиня N

ПЛАЧ
ТРЕТЬЕЙ
ПТИЦЫ

Издательский Совет
Русской Православной Церкви
2009

ББК 86—372
П 379

Сестрам,
с любовью

Монахиня Н. Плач третьей птицы. — М.:
П 379 Издательский Совет Русской Православной Церкви.:
2009. — 400 с.

Книга рассказывает о разнообразных проблемах монашества в XXI веке: откуда берутся насельники, как решается вопрос экономического выживания обители, какие трудности нравственного, психологического и житейского характера приходится преодолевать начинающему послушнику (послушнице). Хотя главное внимание автор уделяет современному иночеству, книга изобилует примерами из истории монастырей и жизнеописаний известных подвижников. Автор много размышляет о сущности монашеских обетов, о духовном возрастании личности, о смирении и молитве.

Тон повествования не имеет ничего общего с благочестивой елейностью; автор не боится говорить о плевелах, которых немало в церковном быту, в том числе и в монастырях. Однако главное в книге — любовь к монашеству, во все времена живому, освященному великой целью: следовать за Христом.

Книга представляет интерес для самого широкого читателя, так как всякий, кого привлекает Евангелие, независимо от образа жизни, любит монашество.

© Монахиня Н, 2009
© Издательский Совет Русской
Православной Церкви, 2009

ISBN 978-5-94625-262-1

Три монаха стояли на берегу моря. С другого берега раздался к ним голос: примите крылья и придите ко Мне. Вслед за голосом два монаха получили огненные крылья и быстро перелетели на другой берег. Третий остался на прежнем месте. Он начал плакать и вопиять. Наконец, и ему даны были крылья, но не огненные, а какие-то без- сильные, и он полетел через море с большим трудом и уси- лием. Часто ослабевал он и погружался в море; видя себя утопающим, начинал вопиять жалостно, приподымался из моря, снова летел тихо и низко, снова изнемогал, сно- ва опускался в пучину, снова вопиял, снова приподымал- ся и, истомленный, едва перелетел чрез море. Первые два монаха служили изображением монашества первых вре- мен, а третий — монашества времен последних, скудного по числу и по преуспеянию.

*Достопамятные сказания
о подвижничестве святых
и блаженных отцов*

...На птиц этих люди похожи, мой брат!
Мы так же стремимся к заветному Свету:
Как сильные птицы иные спешат,
За ними другие, хоть сил таких нету.
Лишь я погибаю, как третья птица;
Над тучами реять мне сил не дано...
Все чаще приходится в волны садиться...
Но, Боже, не дай опуститься на дно!

*Архидиакон Роман (Тамберг).
Притча*

Святые отцы Скита пророчествовали о последнем поколе- нии, говоря: что сделали мы? И, отвечая, один из них, ве- ликий по жизни, по имени Исхирион, сказал: мы сотвори- ли заповеди Божии. Еще спросили: следующие за нами делают ли что-нибудь? Сказал же: они достигнут полови- ны нашего дела. — А после них что? И сказал: не будут иметь дел совсем люди рода онаго, придет же на них иску- шение, и оказавшиеся достойными в оном искушении окажутся выше нас и отцев наших.

Древний патерик

ЧЕРНЫЙ МОНАХ ЗА КАМЕННОЙ СТЕНОЙ

Славой золотеет заревою
Монастырский крест издалека.
Не свернуть ли к вечному покою?
Да и что за жизнь без клобука!

А. Блок

Неужели китайцы?..

Эта мысль о будущем России, впервые высказан- ная, кажется, о. Андреем Кураевым, поначалу по- вергает в шок; однако, начав размышлять в задан- ном направлении, постепенно привыкаешь: лучше ли мы греков, от которых приняли священное на- следство, и не жестоковейнее ли евреев: те, оказав- шись после 70-летнего плена в несчастной разорен- ной стране, пеклись не о качестве жизни, но о возвращении к единой вере и восстановлении Хра- ма. Притом давно уже носится слух, что нашествие и последующее преобладание желтых людей опреде- ленно предсказано то ли Библией, то ли Нострада- мусом, и почему невероятно постепенное проник- новение раскосых наших собратьев в Сибирь, а затем в Тулу и Рязань мелкими группами по сто тысяч человек с массовым обращением в Правосла- вие? В конце концов, Господь любит и китайцев.

Православных в России по статистике чуть ли не 80 миллионов, но провинциальные священники утверждают, что церковь регулярно посещают от силы два процента населения. Тем не менее Православие сегодня ужас как популярно, а особенно монашество, о чем свидетельствует широкое использование его образа в рекламе: питьевая вода «Святой источник», пельмени «Монастырские» (конечно, с мясом), а уж винно-водочные изделия! «Крестный ход», «Исповедь грешницы» (белое полусладкое и будто бы натуральное); «Черный монах», «Старый монах», «Шепот монаха», «Слеза монаха», «Исповедь монаха», «Душа монаха», в этом же ряду чай «Китайский монах», с призывом на этикетке: прикоснись к тайне древних монастырей!..

Наверное, покупают хорошо, как и популярные книжки под завлекательными названиями: «Пелагия и белый бульдог», «Пелагия и черный монах», «Пелагия и красный петух», с круглой мордашкой в очках и апостольнике на обложке. Церковный журнал посвятил автору серьезную статью с тщательным разбором искажений христианских истин и монашеских правил; блаженны — или наивны — чистые сердцем! Модный беллетрист отнюдь не стремился к жизненной правде, он ставил совсем иные цели¹, вычислив с помощью телевизора и компьютера запросы широкой публики, измучен-

¹ Рейтинг ПРОДАЖ — вот что сегодня определяет качество литературы и профессионализм писателя; а побеждает повсюду легкий жанр, т. к. поддерживается *раскруткой*, на которую приверженцы массовых вкусов большие мастера.

ной прогрессом: уютный издавека позапрошлый век, плюс детективный сюжет, плюс загадочные персонажи, неведомы зверушки: какие-то купцы, архиереи, схимники, монашки.

Дорогу, как водится, давно проложили на Западе — после ошеломляющего успеха романа У. Эко «Имя розы» завалив рынок аналогичными по теме, но несравнимо менее высокого качества бестселлерами, вплоть до бездарной и скучной пародии К. Бакли и Д. Тирни «Господь — мой брокер» (!) о преодолении финансового кризиса в американском монастыре — новинки, предлагаемой на книжном развале. Конечно, фантастический спрос на «Последние искушения», «коды да Винчи» и т. п. свидетельствует об устойчивом, неоскудевающим, несмотря на секуляризм якобы постхристианской эпохи, интересе — ко Христу.

И повседневная пресса не отказывает монашеству во внимании, по той же причине, сформулированной Буратино: здесь какая-то тайна. Статьи бывают доброжелательные, с высокопарным описанием природы, распорядка дня, вкусного обеда и сердечной матушки, и наоборот — разоблачительные, рисующие мрачный пейзаж, жестокую дисциплину, скудное меню, корыстное начальство и вопиющие нарушения прав человека. В одной столичной газете прямо писали, что игумены используют молодых послушниц в целях привлечения спонсоров, так сказать, в уплату за щедрые пожертвования... Жаль иногда, что Церковь предпочитает не судиться...

«За каменной стеной», «За монастырскими стенами», «Обитель строгого режима» — заголовки намекают на жуткие постыдные деяния, которые совершаются в мертвой тишине наглухо запертых келий. Но вот, кажется, «Комсомольская правда» предприняла многообещающую разведывательную операцию, заслав лазутчицу в монастырь за Уралом¹. Девушка притворилась, что пробует силы на предмет монашества, была обласкана, перед ней открылись все двери... И что же? Да ничего сенсационного; передавала в газету репортажи почти восторженные... кто знает, может, придет когда-нибудь в монастырь не понарошку.

Но обычный способ корреспондентов, командированных на пару часов за экзотикой, — фантазировать в меру собственной испорченности, сочиняя причудливые объяснения непостижимого явления, каким остается монашество для всех, чуждых и даже не совсем чуждых христианству. Что ж,

...мои дела

Немного пользы вам узнать, —

А душу можно ль рассказать?

(Лермонтов)

¹ То ли еще будет! На телевидении, сообщают, готовится реалити-шоу с исследованием монастыря в ряду таких замкнутых структур, как тюрьма, иностранный легион, израильская армия: сажаем туда нашего человека и показываем систему изнутри, обещал в печати один из авторов проекта; идея давно осуществлена в США.

Вообще-то уже во времена святителя Игнатия московские журналы называли монашество анахронизмом. К. Леонтьев цитировал полученное им письмо: «В наше время монахом может стать идиот или мошенник». В начале XX века считалось хорошим тоном высмеивать монахов как тупых невежд, никчемных для блага человечества, совершающих бессмысленное насилие над природой. В 1908 году в серии с красноречивым названием «Религия и церковь в свете научной мысли и свободной критики» вышла книжка протестантского богослова Адольфа Гарнака «Монашество. Его идеалы и его история»; с раздражением, сглаженным иронией, автор разоблачает абсурдность поведения фанатиков-аскетов, истязавших себя неведомо с какой целью, разве ради музейного хранения давно устаревших обрядов.

Монашество и теперь в России, когда оно хилым цветочком пробивается сквозь асфальт¹, пытаясь родиться заново, критикуют со всех сторон. Настроенные широко и современно доказывают, как и столетие назад, что монастыри отжили свой век и куда полезнее служить ближнему через благотворительные и социальные учреждения; жалеют горемычных монахов, утративших право на *простое человеческое счастье*, потерянных для

¹ Хотелось бы сравнить нынешнюю ситуацию с эпохой Миланского эдикта, когда народ узрел главу государства, то бишь императора, осеняющего себя крестным знаменем, и хлынул в храмы, но совесть предостерегает от чрезмерного оптимизма.

мира с его стремительным ритмом и красочным фейерверком больших и маленьких удовольствий; особенно трагична участь девочек, лишенных радостей любви и материнства; а если опять гонения — убьют ведь всех! И, наконец, всегда злободневный упрек: уходящие в монахи обрекают человечество на вымирание.

Журналисты, иронизируя по поводу «уютных мифологем» о древних временах, когда люди были благочестивее, а пища вкуснее¹, на ходу создают мифологемы иные: среди иноков тогда, как и всегда, процветали ссоры, воровство, пренебрежение к больным и конфликты с властью, но зато царил демократия и все высшие церковные должности были выборными («НГ-религии»). Известный контингент, обозначаемый как «обновленчество», более чем дружественный по отношению к староверам, католикам, протестантам и иудаистам, категорически не приемлет монашество, правда, именно русское: Тэзе² и прочие иноземные кущи приверженцы *православия с человеческим лицом* охотно посещают и восхваляют.

¹ Какие мифологемы! Положа руку на сердце, любой согласится, что люди были действительно благочестивее и пища действительно вкуснее — даже и не в такие уж древние времена.

² Там, рассказывают, многочисленных паломников принимают с любовью, т. е. с учтивой улыбкой; «а я, — поделилась одна игумения, — как увижу эту толпу на праздник — в ужас прихожу: хватит ли еды, куда сесть, а постельного белья точно на всех не наберем, а вода! а канализационная яма точно переполнится, а откачку не дозовешься!..»

Другие ищут и не находят высокой духовности: «Монашество потеряло обетование, в нем нет данных нам обещаний самой Пресвятой Троицей»¹. Звучит критика в адрес Синода, благословляющего открытие новых и новых обителей: зачем так много, если уже открытые так несовершенны; лучше меньше, да лучше, говаривал незабвенный вождь мирового пролетариата, а задолго до него — императрица Екатерина, которая из самых здравых соображений перетасовала *излишек* иночествующих и добилась почти полного истребления монастырей². По той же логике в интересах качества следует ограничить и заключение браков — слишком уж много неудачных.

Мир да не предписывает закон делу Божию, сказано святителем Филаретом Московским. Сейчас на территории России насчитывается более четырехсот монастырей — но ни один, за исключением Троице-Сергиевой Лавры и Псково-Печерского монастыря, не достиг двадцатилетнего возраста; некорректно ожидать от них триумфальных достижений, тем более выносить

¹ *Битехтина Л. Д.* Восток—Запад, опыт старчества. Умозрение души. М., 2002. Приведенная неудобовразумительная фраза отражает стиль этой толстенной, более чем странной книги, открывающейся восхвалением «божественных интуиций» Терезы Авильской.

² Вопреки веку просвещения. Жизнеописание и творения Высокопреосвященного Гавриила (Петрова). Предисловие. М., 2001.

приговоры: монашество приходит в упадок... монашеский дух катастрофически падает¹. Падение предполагает утраченную высоту; неясно, от какой планки отсчитывать, какое монашество ценить за критерий — египетское? палестинское? византийское? афонское? древнерусское? наше дореволюционное? В истории случались разные ситуации; возьмем феномен Тавеннисийских обителей: они процветали, количественно и качественно, при жизни их основателя Пахомия Великого, а затем пришли в оскудение, которое означало конкретно упадок Тавеннисийских обителей; монашество продолжало сиять и благоухать в иных местах.

Громче всех, как всегда, критикуют монастыри сами монахи, особенно пребывающие вне обителей. Если активно строятся здания и храмы, брюзжат, что созидать следует души, а не камни, будто, если стройки прекратить, души станут расти быстрее. Пускают паломников и туристов — проходной двор, а коли запрут ворота — эгоисты, живут только для себя. Заводят обширные поля или прибыльное производство, обзывают колхозами; если полей и производств нет — лентяи, не желающие трудиться.

Чистота и порядок — декорации, социальное служение: приюты, богадельни — суета и показуха, мало насельников — никто не идет, много — случайные

¹ Рафаил (Карелин), архим. Тайна спасения. М., 2001. С. 221–222.

люди; принимают пожилых — зачем, уже ничего не поймут, молодых — кто и чему будет их учить; монашеское жительство, говорят, сегодня одна видимость, без смысла и содержания, поскольку не имеется руководителей, старцев; ссылаются на суждения святителя Серафима (Звездинского) и преподобного Лаврентия Черниговского, относящиеся к эпохе тотального крушения, когда вообразить возрождение Церкви было так же немыслимо, как и внезапную отмену советской власти; упразднение монастырей виделось окончательным и знаменовало истребление христианства, предвещающее незамедлительный конец света.

Апокалиптический мотив, усилившийся со свистопляской вокруг ИНН, и теперь питает энтузиазм сверхправославных ревнителей: они покидают епархии, если архиерей не угодного им духа; они рассылают по монастырям подметные письма против Синода и в издаваемых листовках призывают шить рюкзаки, приобретать палатки, спальные мешки, примусы, готовиться уходить в леса¹;

¹ Уже в начале XIX века подвижники покидали Рославльские (Брянские, Жиздринские) леса — по разным причинам, в том числе из-за истребления лесов — и устраивались по монастырям; были и гонения на *вольных* монахов, с принудительным выселением. Но даже в самый расцвет пустынножительства (вынужденного, по причине закрытия монастырей) в XVIII веке, идиллии не наблюдалось: монахов преследовали земле- и лесовладельцы, грабили и избивали, иногда до смерти, разбойники; какой-нибудь проходимец мог, озорую, поджечь домик отшельника, пока тот ходил в церковь. Чего же можно ожидать в нынешних лесах!

такая агитация легко ложится на советскую закуску, привычку всегда ожидать чего-то ужасного; многие так и живут с безотрадной верой не во Христа, а в антихриста, намереваясь, однако, как-то от него скрыться и переждать конец света; брошюры и статьи полны причитаниями: в наше бедственное время... Так и хочется возразить словами Константина Леонтьева: его время, быть может, вовсе не мое время.

Причина неприязненного отношения к монашеству кроется, очевидно, все-таки в том, что монахи живут по законам иного мира. Известно, какое настороженное, враждебное отношение встречаются инакомыслящие; тем паче инакоживущие смутно представляются опасными и вызывают тревогу, не объяснимую логикой. Одно дело жалеть пасынков фортуны, замухрышек, не нашедших более веселого и комфортного места под солнцем, чем монастырь, но какое раздражение, даже ярость вызывает противоположная концепция: «Все бездарно в сравнении с монашеством, и всякий подвиг в сравнении с ним есть мещанство»¹.

Стоит заикнуться о монашеству — и родственники, друзья, знакомые, сроду близко ни к какому монастырю не подходившие, найдут множество противных доводов, станут отговаривать, пугать и ужасаться... Может быть, пребывающих в миру посещает иногда безумная мысль: а вдруг правы черноризцы и действительно нельзя, словами

Алеши Карамазова, отдать вместо *всего* два рубля, а вместо *следуй за Мной* ходить лишь к обедне? Но если так... они внидут первыми?.. А мы?.. А я?..

Так возникают подозрения, от которых избавляются, вычитывая из книг или высматривая в паломнических поездках по монастырям все дурное; это не трудно: строгие, неразговорчивые монахи — значит, не имеют любви; прячут глаза — лицемеры, смотрят прямо — дерзкие; веселые — экие легкомысленные, грустные — ага, плохо им; скудная трапеза — морят голодом, обильная — ничего себе постники! бедная, с бору по сосенке, обстановка — казарма, а приличная мебель, картины и ковры — новые русские! И остается только сделать вывод: какие сейчас монастыри! едят да спят... и ничем они нас не лучше! а потом вздохнуть с облегчением.

Все зависит от точки зрения: в былые времена, скажем, Гоголь, побывав в Оптиной, получил духовный заряд на годы и был благодарен, а Толстой ничего не получил и обвинял за то и монастыри, и всю Церковь Русскую...

¹ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 2001. С. 168.

МОНАХ НЕ КОТ...

Что новее монаха-отшельника в рубище строгом?
Он на льве возит воду, сердечно беседует с Богом.
И, как спелую смовку в горсти, как подбитую птицу,
обозреть может землю, пройти через стены в темницу,
нашептать рыбалям, чтобы риф огибали левее,
исцелить паралитика — что ж мы видали новее?

О. Николаева

Всегда находилось немало любителей порицать монашество: мир не смотрит на свои слабости, но зорко взирает и на малые монашеские недостатки¹. Изображение толстобрюхого монаха, опоясанного по чреслам толстым веревочным поясом, с самого установления *эпохи гуманизма* служило символом жадности, чревоугодия, лени и прочих пороков; правда, судя по капюшону и тонзурке, то был не наш монах. Ходили по рукам, в стиле «Декамерона», повествования о пьянстве, безобразиях и разврате, но опять-таки в западных монастырях.

Русское монашество до Петра I насмешкам не подвергалось (все были как монахи), а после —

¹ Письмо преподобного Макария Оптинского святителю Игнатию (Брянчанинову) // *Странствие ко вратам вечности*. М., 2001.

тем более, т. к. терпело гонение: в книге фольклора, выпущенной в 1990 году, но составленной из сборников 1983 и 1984 годов (в советское время всякая хула на церковников печаталась нарасхват), раздел *монахи, монастырь* содержит всего 18 народных пословиц и поговорок (для сравнения: в разделе *жадность* их более 100); притом некоторые не имеют осудительного смысла: «в чужой монастырь со своим уставом не ходи»; «за что игумен, за то и братия»; «монах мастер и стоя спать»; «не всем чернецам в игумнах быть»; и даже отрицательно окрашенные не слишком и злы: «в Лавре, что на ярмарке, за деньги все найдешь»; «довела голова до черна клобука»; «игумен за чарку, а братия за ковши»; «монах не кот — молока не пьет, а от винца не прочь»; «не всякий стрижется для Иисуса, иной и для хлеба куса»¹.

Император Петр, заразившись от протестантов неприязнью к монашеству — «монахи чужие труды поедают», — последовательно, без раздумий и колебаний, как и во всем что он делал, боролся с ним. Идеологически новую политику обосновывал Феофан Прокопович: «Бегут в монастыри от податей и от лени, чтобы даром хлеб есть... большая часть тунеядцы суть», — писал он и, предвидя возмущения, добавлял: «А что говорят — молятся, то и все молятся, что же прибыль обществу от сего?»².

¹ Русские народные загадки, пословицы, поговорки. М., 1990.

² Цит. по: *Смолич И. К.* Русское монашество. М., 1997. С. 263.

В начале XX века, под самый разгул *новой духовности*, вольномыслия и атеизма, когда интеллигенция, утонченным нюхом чуя грядущие революционные бездны, набрасывалась на Церковь за самодовольную косность архиереев, холодную схоластику богословов и верноподданническую робость батюшек, монашество испытывало массивную атаку периодической печати: аскетизм объявляли хроническим недугом, психопатическим явлением, искажением Евангелия, а историческое церковное христианство предлагали реформировать в угоду *духу времени*, как его понимали многочисленные самодеятельные богосискатели¹.

В 1985 году, на финише соввласти, когда необъятные просторы СССР вмещали всего 16 монастырей, Политиздат выпустил книжку под зловещим названием «Черное воинство», нечто вроде краткой антимонашеской энциклопедии. В книге утверждается, что на протяжении тысячелетней истории России монахи неизменно были мишенью для насмешек и гневной сатиры, потому что реальная их жизнь расходилась с идеалами, сформулированными в обетах; ханжи и лицемеры, они грешили обжорством, сребролюбием, винопитием и прочей распущенностью.

¹ См.: *Феодор (Поздеевский), архиеп.* Смысл христианского подвига // *Жизнеописание. Избранные труды.* Троице-Сергиева Лавра, 2000. С. 52–58.

Автор различает два обличаемых типа: ученый монах — бездельник с бородкой под Христа, в шелковой рясе, надушенный парижскими духами, ни во что не верующий; «это они заставили Гоголя сжечь том „Мертвых душ“ (если и приписывать о. Матфею Константиновскому столько влияния на классика, то уж во всяком случае монахом он не был: состоял в браке и имел детей); «они поучали в Оптиной пустыни Достоевского» (о. Амвросий! — шелковая ряса и французские духи!), «они предлагали вразумить молодого Пушкина затвором в Соловках¹, они осуждали „Рефлексы головного мозга“ Сеченова, полотна И. Н. Крамского и пьесы А. Н. Островского»². Никаких ссылок на соответствующие источники, кроме *собр. соч. В. И. Ленина*, не приводится по всему тексту.

Второй, еще более отвратительный тип — монах неученый: «аскет с воспаленными от бессонницы глазами, оборванный и немывтый, в косматой бороде запутались ключья какой-то дряни... грамоты

¹ В известных биографиях Пушкина (в том числе авторства Л. Гроссмана, очень советской, всячески усиливавшей *революционные* взгляды поэта), мысль о ссылке (разумеется, не о затворе) в Соловки или Сибирь приписывается Александру I, раздраженному намеком на отцеубийство в оде «Вольность»; посоветовавшись с директором лицея Энгельгардтом, царь смягчился, и Пушкин поехал на юг.

² Речь идет всего-навсего о временных запретах государственной цензуры, к которой *ученые монахи* имели отношение весьма опосредованное: Цензурный Комитет подчинялся Синоду, а в Синоде заседали архиереи; конечно, они не вникали в последние достижения науки, живописи и литературы, доверяя специалистам Цензурного Комитета.

не знает и знать не хочет... плюет на пол... ко всему относится с отвращением... воля его ко «спасению души» закалена до полнейшего отвращения к людям, до презрения к ним, до радости при виде страданий другого».

Есть наблюдение и о женских обителях: «девушки мечтали приносить пользу обществу, а нужда загнала их в душные кельи, и вот белошвейки, кружевницы, вышивальщицы, портнихи работают на сторону, а игуменья забирает выручку, оставляя инокиням гроши»¹.

Автор «Черного воинства» черпает свои аргументы именно из церковных изданий XIX — начала XX века, абсолютно недоступных в советские годы массовому читателю, выворачивая наизнанку жития и наставления православных подвижников или цитируя критику монастырских нравов и порядков, на которую не скупилась сама монашествовавшая. Что же касается литературы светской², тут он, почему-то не заметив Белинского, считавшего монашеское уединение «чудовищным эгоизмом», всего и наскреб, что стишок из Н. А. Некрасова, дань друзьям — революционным демократам:

Не жнут, не сеют — кормятся
Из той же общей житницы,

¹ Прошин Г. Черное воинство. М., 1985. С. 123—124.

² Со времени петровской секуляризации у нас постепенно сложилось фактически две литературы: церковная и светская.

Что кормит мышку малую
И воинство несметное...

Что же, к слову, массовый читатель может почерпнуть о монашестве из русской классической литературы? Ведь и сегодня море церковных книг редко выходит из берегов церковных же лавок. С первой попытки вспоминается героиня прекрасного романа «Дворянское гнездо»: благодаря Лизе Калитиной поклонники тургеневских барышень до сего дня твердо убеждены, что в монастырь уходят исключительно от несчастной любви. Далее, нелепый отец Сергей, alter ego Л. Н. Толстого; Зосима и Тихон у Достоевского, обратившегося к монастырю в поисках идеального персонажа, олицетворяющего чистоту, добро и правду; писатель доказывал: пламенная, самозабвенная вера, возвышая и преображая личность, может исправить и, наполнив христианским смыслом, преобразить грядущую человеческую историю.

Четырнадцатилетний Пушкин написал поэму «Монах», где изложил легендарный полет в Иерусалим верхом на бесе, описанный в житии святителя Иоанна Новгородского под 7 сентября. В «Борисе Годунове» с живым народным остроумием выведены веселые бродячие чернецы Мисаил и Варлаам: «Как утекли из монастыря, так ни о чем уж и не думаем. Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: все нам равно, было бы вино, да вот и оно!» Но в той же пьесе начертан другой образ:

Не сетуй, брат, что рано грешный свет
Покинул ты, что мало искушений
Послал тебе Всевышний...
...Я долго жил и многим наслаждался;
Но с той поры лишь ведаю блаженство,
Как в монастырь Господь меня привел¹.

Лермонтова мы уже цитировали, прекрасные слова из поэмы «Мцыри»; заучивают ли и сейчас в школе монолог этого послушника, воспитанного в монастыре: «О, я как брат обняться с бурей был бы рад» и т. д.; во цвете лет он собрался принять постриг, накануне бежал, изведав массу приключений и был найден через три дня уже при смерти. Исповедуясь, он жалуется на житье в мире «душных келий и молитв», кажущееся всякому далекому от монашества одним лишь тягостным лишением воли, как поется в известном претоскливом канте с финальной фразой: «за ворота отлучаться настоятель не велит».

Алексей Константинович Толстой пленился легендарным жизнеописанием дивного святого, Иоанна Дамаскина:

Тебя, безбурное жилище,
Тебя, познания купель,
Житейских помыслов кладбище
И новой жизни колыбель,
Тебя приветствую, пустыня,

---

¹ Пушкин А. С. Борис Годунов. М., 1939.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Черный монах за каменной стеной	5
Монах не кот...	16
Просто христианство	26
Пустите детей...	34
Не озирайтесь вспять!	43
Аще кто не возненавидит...	53
Караван на пути к раю	62
Особенности монастырской политэкономии	75
У Бога всего много	83
Рука дающего...	94
Тесный путь, имже внидоша святии отцы...	108
Наедине с медведем	118
Не делайтесь рабами человеков.	127
Нормальный человек в монастырь не пойдет.... .	139
Погода на улице	148
Познание умножает скорбь?	157
Искусство святости	172
...Устав, что нас от нас же ограждает	182
Из жизни поливающих	199
Бессмертный Толстошеев	214
О покаянной дисциплине	221
Есть тебе дело, душа моя	234
На кипящий котел мухи не садятся	247

Оглавление

К себе восходи, человече...	264
Аще хочещи инок быти...	277
Чистые тайны девства.	288
Путешествие спящих	297
Иметь или не иметь.	309
По мере веры	322
Со страхом и трепетом	337
Приют для неудачников	357
Нет нам дороги унывать!	370
Монашество — сердце христианства	384

Монахиня N
ПЛАЧ ТРЕТЬЕЙ ПТИЦЫ

Зав. редакцией *Т. Тарасова*. Редакторы *В. Жилкин*,
О. Бачурина. Мл. редактор *О. Вилкова*. Технический
редактор *З. Кондрашова*. Корректор *О. Назаренко*.

Компьютерная верстка *М. Алимиев*.

Художник К. Петров.

Подписано в печать 14.01.2009

Формат 84×108 ¹/₃₂. Объем 12,5 п. л.

Печать офсетная. Тираж 10 000 экз. Заказ №

Издательский Совет Русской Православной Церкви.

119435, Москва, Погодинская ул., 20, корп. 2

Отдел реализации: (499) 246-20-85, 246-52-08

Магазин: (499) 245-30-68